

Ань Но наклонился, разглядывая лицо Бай Ичэня. Левая щека юноши вжалась в подушку, губы капризно надулись, а из-за того, как он лежал, один глаз казался больше другого. В этом было что-то по-детски трогательное и незащищенное; тонкое тело под белыми простынями выглядело хрупким и одиноким. В этот миг его захлестнуло такое чувство вины, будто он не просто «старый конь, посягнувший на нежную травку», а настоящий преступник, совершающий нечто непотребное по отношению к ребенку. Он раздраженно взъерошил волосы, думая о том, что гонялся за девчонками еще со средней школы и всегда шел напролом, а теперь, когда ему почти тридцать, он умудрился бесповоротно пропасть в глазах какого-то мальчишки.

«Ну и наказание...» — вздохнул про себя Ань Но.

Бай Ичэнь в напряжении ждал, что тот ответит «ничего страшного», но затянувшаяся тишина напугала его. Юноше вдруг пришло в голову, что он, должно быть, ужасно надоел Ань Но. В последнее время он только и делал, что подбрасывал Старшему брату Ань Но проблем, да еще и строил козьи морды. Вчера он и вовсе перешел все границы, сорвавшись на грубость. Даже если он теперь называет его «братом», у Ань Но нет ни единой причины раз за разом потакать его капризам.

От этой мысли Бай Ичэнь запаниковал. Он попытался приподняться, но тут же вскрикнул от резкой боли и судорожно втянул воздух. Ань Но подскочил как ошпаренный и осторожно придержал его, помогая лечь ровно.

— Бай Ичэнь, не смей двигаться! Ну сколько раз повторять? Всё в порядке, честное слово! Любой на твоём месте сорвался бы. Это называется посттравматический стресс, эмоциям нужен выход. На кого тебе еще кричать — на врачей или медсестер? Я правда не обижаюсь.

Ань Но заговорил быстро, пытаясь успокоить его, и вдруг понял, что момент для его плана просто идеальный. Грех не воспользоваться.

— Но... если тебе и правда так неловко, может, пообещаешь брату одну вещь?

— Кроме увольнения — что угодно! Говори, — выпалил Бай Ичэнь.

Ань Но сердито уставился на мальчишку. И когда он только успел стать таким проникательным? Был бы чуть глупее — глядишь, и депрессия бы отпустила.

— Ну... давай начистоту. Чжэн Жуй вытряс из того жирдяя больше ста тысяч компенсации. Если заявлять в полицию, его максимум закроют на несколько суток за нарушение порядка — слишком дешево он отделается. Теперь у тебя есть деньги, и тебе больше нет нужды работать в баре, где вечно крутится всякий сброд. Я советую тебе пойти на курсы, подтянуть знания и в следующем году сдать экзамены в университет. В наше время диплом о среднем образовании — это просто клочок бумаги. Даже я колледж окончил.

Ань Но чувствовал, как складно у него получается.

— Конечно, этих денег на всё может не хватить. Чтобы ты мог сэкономить, я предлагаю тебе перебраться в мою гостевую комнату. Денег за жилье не возьму, но с тебя — порядок в доме и готовка. Помнится, когда ты устраивался в «Пылающее искушение», хвастался, что убираешься идеально. А раз ты столько проработал в ресторане, то готовишь наверняка лучше меня. Так мне не придется каждый день перебиваться столовской едой. Что скажешь?

Ань Но был горд собой: речь вышла безупречной, логичной и, что важнее всего, деликатной — он и проблему решил, и самолюбие Бай Ичэня не задел. Его красноречие явно вышло на новый уровень.

Чтобы не давать парню опомниться, он добавил:

— К тому же на восстановление уйдет минимум месяц. Бару в любом случае придется искать тебе замену. А тот толстяк — какой-никакой чиновник, кто знает, не вздумает ли он потом мстить тебе или заведению. Ради общего спокойствия Чжэн Жуй сам предложит тебе уйти. Ты слишком молод, он не хочет портить тебе жизнь.

В этих словах правды было пополам с вымыслом. Ань Но казалось, что за свою жизнь он наврал с три короба, но эта ложь если и не была шедевром, то уж точно заслуживала аплодисментов.

Бай Ичэнь, уткнувшись в подушку, готов был разрыдаться от обиды. Мало того что его унизили и он весь в синяках, так теперь еще и работу потерял. Где справедливость? Он замолчал, и по его виду было ясно: соглашаться он не горит желанием.

— Старший брат Ань, я не хочу увольняться... Мне правда нужна эта работа...

Бай Ичэнь явно хотел сказать что-то еще, но осекся. Ань Но почувствовал его колебание и снова вздохнул. С тех пор как он встретил этого мальчишку, количество его вздохов росло в геометрической прогрессии. Скоро он сам превратится в ходячую меланхолию.

— Бай Ичэнь, если ты и правда считаешь меня братом, скажи честно: ты сам-то хочешь учиться или собираешься до конца дней перебиваться подработками?

— Конечно, хочу... Я... — Бай Ичэнь стиснул зубы. — Мне нужно накопить на учебу.

— Этих ста тысяч хватит на любой вуз! Ты же не собираешься копить сразу и на магистратуру за границей?

— Но... — Бай Ичэнь нахмурился и прищурился, явно о чем-то напряженно размышляя.

— Что «но»? — спросил Ань Но.

— Погоди, не сбивай, я считаю! — серьезно ответил Бай Ичэнь. — А... можно мне оставить работу в «Цзюсяне»? Всё равно мне делать будет нечего...

Ань Но едва не расхохотался от злости. Сяо Бай решил сначала всё подсчитать, прежде чем соглашаться!

Вообще-то, по задумке Ань Но, из ресторана тоже следовало уйти. Сидел бы дома, читал книжки, смотрел кино, а Юй Дай из квартиры напротив приглядел бы, если что. Но он понимал: зная натуру этого маленького скряги, такие мечты — чистой воды утопия.

Главная проблема была в другом. Ань Но потерял переносицу, уверенный, что Мо Хань его просто придушит. Если бы не его успехи в качестве агента под прикрытием, Мо Хань прикончил бы его собственноручно, не дожидаясь Хань Цзыфэя.

«Настоящее "золотое убежище для красы" устроил», — самоиронично подумал Ань Но, понимая, что Юй Дай и Цинь Сяо будут подкалывать его до конца жизни.

Бай Ичэнь лежал, вцепившись зубами в край подушки, чтобы не рассмеяться. Видит небо, он был на седьмом небе от счастья, что Ань Но позвал его к себе. Одна мысль о том, что теперь каждое утро он будет видеть эту нагловатую, но на самом деле добрую улыбку, а по вечерам они вместе будут смотреть кино на диване, наполнила его восторгом. Они будут вместе завтракать, спорить по пустякам, а если ему станет грустно, Ань Но привычно взлохматит его волосы и приобнимет... От радости он едва сдерживался, пряча лицо в подушку, чтобы улыбка не выглядела слишком уж глупой. В своих мечтах Сяо Бай совершенно забыл, что их графики жизни — полные противоположности.

Наконец-то... Наконец-то нашелся человек, который искренне и безусловно заботится о нем. Кто-то, кто готов ломать голову, как лучше устроить его жизнь, стараясь при этом не задеть его чувства. Пусть неизвестно, долго ли продлится это подобие «дома», но оно у него будет. Спустя годы он сможет оглянуться на свою юность и сказать: «У меня был теплый очаг». Ради этого потеря даже прибыльной работы не казалась такой уж бедой.

Ань Но, глядя на притихшего парня, который светился, как мышонок, добравшийся до кувшина с маслом, почувствовал, как в груди разливается нежность. Он не ожидал, что тот так обрадуется. Мальчишка мгновенно забыл о вчерашней боли и страхе — этот сильный, вызывающий щемящую жалость ребенок каждый день заставлял себя забывать все страдания. Для Бай Ичэня чем шире улыбка, тем глубже спрятана рана.

Ань Но не удержался и снова запустил пальцы в волосы юноши.

— Глупый мальчишка, ты чего там радуешься?

— Можно будет смотреть кино... Всю ночь напролет! — ляпнул Бай Ичэнь и расплылся в улыбке еще шире. — И бесплатно!

Ань Но почувствовал, что проигрывает конкуренцию компьютеру.

— И только из-за этого ты так счастлив?

— Конечно нет! — твердо отрезал Бай Ичэнь. — Я еще и на аренде кучу денег сэкономлю.

Ань Но понял, что «проигрываю конкуренцию» — это еще слабо сказано. Но, видя это сияющее лицо, он не удержался от подначки:

— Слушай, неужели тебя совсем не радует, что теперь тебя буду прикрывать я?

По логике Ань Но, Бай Ичэнь должен был презрительно фыркнуть и выдать что-то вроде: «Да кто ты такой? Скажи спасибо, что я соизволил к тебе переехать, твоя конура теперь просто засияет».

Но Бай Ичэнь вдруг посерьезнел.

— Старший брат Ань, я знаю, что ты правда добр ко мне. Спасибо тебе.

Вся ироничная защита Ань Но рассыпалась. От такой резкой смены настроения он даже растерялся:

— Э-э... да не за что!

— Старший брат Ань, — тихо продолжил Бай Ичэнь, — я раньше говорил, что мои родители умерли, но это не совсем так. Я никогда не знал своего отца, жил только с мамой. Она... болела, не могла заботиться обо мне, так что я всегда был один. Когда ты сказал, что будешь мне братом, я так обрадовался, честное слово. Почувствовал, что у меня наконец-то есть родной человек. И то, что я буду жить у тебя... это не просто радость, это что-то очень... очень...

Бай Ичэнь хотел сказать «счастье», но это слово показалось ему слишком сентиментальным, почти как признание в любви. Он не был экспертом в делах сердечных, но знал, что такие слова обычно говорят влюбленные. Однако то тепло, та уверенность и полнота жизни, что переполняли его сейчас, — разве это не было счастьем? Разве не к этому все стремятся? Наверное, так и ощущается настоящий дом.

Бай Ичэнь набрал в легкие воздуха и, пересилив смущение, договорил:

— В общем, я не мастер красиво говорить, но я правда... очень счастлив.

«Черт, — подумал Ань Но, — это ты-то не мастер? Да ты бьешь без промаха, прямо в сердце».

— Послушай, Бай Ичэнь, если ты так ставишь вопрос, мне даже как-то неловко. Это же сущая мелочь...

— Для меня это важно. Очень важно, — негромко произнес юноша.

Эти слова ударили Ань Но в грудь, как тяжелый молот. Ему стало трудно дышать от подступившей нежности и боли. Глядя на него, он поклялся себе: что бы ни случилось, как бы ни сложилась жизнь, он навсегда останется для этого парня старшим братом.

Эту идиллическую картину и застал вошедший Сяо И. Бай Ичэнь, покрасневшийся, прижимал к себе подушку, а Ань Но застыл у кровати, тяжело дыша и глядя в пустоту.

— Вы чего это? — полюбопытствовал Сяо И. — Лица у обоих такие, будто я на свидание прервал.

Ань Но едва сдержал вздох — этот придурок снова зрел в самый корень.

— Эр-цзы, ты когда-нибудь научишься сначала думать, а потом говорить?

Сяо И скривился и поставил контейнеры с едой на тумбочку.

— В наши дни правду никто не любит, я погляжу.

Бай Ичэнь, лежа на животе, возмущенно заворчал:

— Какое еще свидание? Мы — братья, у нас родственная любовь. Старший брат Сяо, у тебя что, никогда братьев не было, раз ты элементарных вещей не понимаешь?

Сяо И со смехом наклонился к нему и ткнул пальцем в прижатую подушкой щеку, оставив на коже маленькую ямку.

— Ожил, мелкий? Снова зубы скалишь... Весь в Ань Но пошел, такой же язвительный стал.

Ань Но даже не нашелся, что съязвить в ответ. Он почти с завистью смотрел на руку Сяо И,

проклиная собственную нерешительность: вот Сяо И делает это запросто, открыто и дружески. А почему у него самого любая мысль о подобном жесте вызывает такое чувство, будто он замышляет нечто постыдное? Трус несчастный.

Сяо И взял ложку, собираясь покормить Бай Ичэня кашей, но Ань Но бесцеремонно отодвинул его плечом и сам уселся на край кровати. Сяо И принялся ворчать, что тот совсем помешался на опеке и не дает другим проявить заботу, на что он мысленно ответил: «Замени слово "опека" на "собственничество", и я не буду возражать».

Обед прошел под шутки и подколки. Бай Ичэнь смеялся до слез, думая о том, как же это здорово — когда у тебя есть и брат, и настоящие друзья.

Хань Цзыфэй пришел вместе с Чжэн Жуем. Тот уже успел расспросить медсестер о состоянии парня и, убедившись, что всё не так страшно, заметно повеселел — не последнюю роль в этом сыграла и выбитая у чиновника сумма. Услышав залиvistый смех Бай Ичэня еще в коридоре, они вошли в палату.

— Сяо Бай, я смотрю, ты в отличном настроении! Неужто болеть перестало? — спросил Чжэн Жуй.

— Еще бы, — поддакнул Хань Цзыфэй. — Когда вокруг него первые красавцы «Пылающего искушения» на цыпочках ходят, тут любой поправится. Бай Ичэнь, ты доволен тем, как Ань Но за тобой ухаживает? Может, выкупишь его насовсем? Будет тебе всю жизнь прислуживать.

Ань Но с невозмутимым видом продолжал доедать свою порцию каши. Бай Ичэнь, посмеиваясь, ответил, что брат Хань мастер шутить и он на такую роскошь не претендует.

Хань Цзыфэй выразительно взглянул на Ань Но.

— Сяо Бай, смотри, не упusti шанс. Выкупят его другие, будет он вокруг кого-то другого прыгать — локти кусать начнешь.

Ань Но спокойно проглотил ложку каши и посмотрел на Бай Ичэня.

— Берешь? Недорого.

Все дружно расхохотались. Чжэн Жуй смеялся открыто и легко; в лучах утреннего солнца его каштановые волосы отливали золотом, а взгляд чайных глаз казался глубоким и манящим, как у заморского принца, прибывшего из далеких краев.

В этот момент мимо палаты проходил Чжоу Сюй. Одного взгляда на эти чайные глаза ему хватило, чтобы навсегда потерять покой.

Хань Цзыфэй мгновенно уловил этот восхищенный взгляд. Не говоря ни слова, он властным жестом притянул Чжэн Жуя к себе, по-хозяйски обхватив его за талию. Бай Ичэнь, чей взгляд находился как раз на уровне пояса босса, с изумлением увидел, как добродушный Хань Цзыфэй в один миг превратился в свирепого льва, охраняющего свою территорию.

Проводив Чжоу Сюя тяжелым взглядом, пока тот не скрылся за поворотом, Хань Цзыфэй обернулся. Заметив ошарашенный вид Бай Ичэня, он покосился на Ань Но и многозначительно произнес:

— Знаешь, парень, любовь — штука абсолютно эгоистичная. Ты можешь гордиться тем, что твоим близким восхищаются, но никогда не потерпишь, чтобы на твою любовь кто-то еще претендовал.

Бай Ичэнь задумался, и в его глазах медленно начало проступать понимание. Он так и застыл с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова.

<http://bllate.org/book/18167/1758889>